

ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (X–XIII ВВ.)

К.Е. Кунгер

УО «Мозырский государственный педагогический университет
им. И.П. Шамякина»

Статус женщины (социальный, экономический, правовой), ее роль на том или ином этапе общественного развития во многом предопределяется характером самого общества, уровнем развития его материальной и духовной культуры.

Рассматривая положение женщины во времена Древней Руси с X–XIII вв., необходимо отметить, что на данном этапе развития истории приходится большую роль отводить женщине в семье, нежели в общественных отношениях. Выгодой для женщины тех времен составляло удачное заключение брака. Уже с юного возраста, девочек подготавливали для ведения хозяйства и создания семьи [2, 120]. Для вступления в сам венчальный брак от женщин на Руси требовалось выполнение многих условий. Одним из них был брачный возраст: 13–14 лет, в XIV–XV вв. – от 12 до 18–20 лет. Правда, зачастую условие это не соблюдалось, особенно когда вплетались политические мотивы: княжна Верхуслава Всеволодовна, когда ее «выдавали замуж», была «млада суще осьми лет»; Иван III был обручен, точнее, «опутан красною девицею» пяти лет от роду стараниями тверского князя Бориса Александровича. Однако такие браки совершались лишь в среде высшего сословия. В дальнейшем ранние браки были ограничены запретом митрополита Фотия венчать «девочок меньше двенадцати лет» [2, 125].

О влиянии давних брачных традиций на нормы семейного права свидетельствуют русские памятники X–XI вв., упоминающие предварительный брачный сговор, которому предшествовала своеобразная помолвка. В X в. сватов к великой княгине Ольге слал древлянский князь Мал. По русскому обычаю, помолвке сопутствовала трапеза у родителей невесты. Ели пирог-каравай, кашу и сыр. Обряд разрезания сыра закреплял помолвку, а отказ жениха от невесты после этой процедуры как оскорбление чести женщины карался штрафом: «...за сыр гривну, а сором ей три гривны, и что потеряно, за то ей заплатити...». Брачный сговор был следующим элементом установления супружеского союза на Руси. Родители договаривались о размерах приданого и предполагаемом дне свадьбы, если, конечно, устанавливалось согласие самих молодоженов, в том числе невесты. Отсутствие права свободного выбора женщиной жениха рассматривается как серьезный аргумент в пользу тезиса о приниженном социально-правовом положении русских женщин в X–XV вв. [3, 75]. Поскольку брачный сговор имел прежде всего характер имущественной сделки, заключительное решение действительно принималось родителями или родственниками невесты. Однако это не являлось ограничением прав именно женщин: брачные дела сыновей, как правило, тоже вершили родители.

В источниках есть свидетельства того, что на Руси – в отличие, например, от Чехии и Литвы – интересы вступающей в брак женщины все же учитывались ее родственниками. Яркий пример полоцкой княжны Рогнеды, не пожелавшей «разуть рабынича», то есть не согласие выйти замуж за князя Владимира [2, 77]. О юридическом закреплении прав женщин на изъявление собственной воли в делах о замужестве свидетельствуют статьи Устава князя Ярослава Владимировича о денежных пенях, налагавшихся на родителей не только в экстремальных ситуациях (самоубийство из-за брака поневоле), но и в тех случаях, «аще девка восхоцет замуж, а отец и мати не дадять» [4, 62].

К концу XIII в. согласие сторон на брак стало фиксироваться в брачном договоре, или ряде, составлением которого после сговора занимались сваты или родственники. Элементы этой традиции встречаются в Уставе Ярослава Владимировича в статьях о «свадебном» и «сгородном», но сам институт брачного договора получил развитие позже [4, 80]; рядная грамота Тешаты и Якима – одна из первых по давности – датируется концом XIII в. К этому времени относится и грамота на бересте (№ 377): «...от Микиты ко Ульянице. Пойди за мене. Яз тебе хоцю, а ты мене. А на то послухо Игнато...» [5, 67].

Древнерусской женщине любого сословия запрещалось вступление в брак с лицами, близкими ей не только по крови, но и по свойству, а также по родству возможному или будущему. В «Уставе о брацех» говорится о запретах близкородственных брачных отношений до шестого «колена» [2, 112]. Сохранение невинности до брака закон не рассматривал как условие для его заключения. Девственности церковный закон требовал лишь от будущих жен представителей клира, а с людей мирских предписывал лишь взимать штраф в том случае, если «замуж пошла нечиста». Древнерусские источники X–XV вв. почти не содержат полного описания элементов церковного венчания.

В древнерусской семье существовало равенство супругов, это подтверждается многими источниками. Данные сведения содержатся в берестяных грамотах. Они отражают жизнь древнерусской семьи такой, какой она была на самом деле. Берестяные письма свидетельствуют: большинство повседневных забот русичей было связано с какими-либо делами: торговлей, долгами, судебными тяжбами и общественными поручениями. Практически во всех житейских событиях участвовали как мужчины, так и женщины. Причем в равной мере. Древнерусские «девы и жёны» отдавали распоряжения о деньгах и вещах (грамоты № 682, 657, 531 и др.), завещали своё имущество (№ 580, 692), получали дань (№ 798), участвовали в судебных тяжбах (№ 603), договаривались о сватовстве (731, 955), принимали решение о браке (№ 377). Данные источники сообщают о том, что женщины владели собственностью, распоряжались имуществом по своему усмотрению, решали судьбу детей, участвовали в судах, сами принимали решение о браке и т. п. Бывало и так, что женщины подвергались физическому насилию, в том числе со стороны своих мужей (№ 156, 415) и

оскорблениям (№ 531). Древнерусские источники фиксируют случаи, когда не муж бил жену, а наоборот – жена била своего мужа. И дело здесь не только в библейских «злых жёнах» – подобные происшествия отражены в актовом материале, в частности в Церковном уставе Ярослава и отражают случаи, имевшие место на самом деле. В статье № 42 говорится именно о таком случае: «Аще жена моужа биесть, митрополитоу 3 гривны» [4, 97].

Древнерусское бракоразное право также возникло вместе с принятием христианства и распространением венчального брака. Основным поводом к разводу с древнейших времен считалось прелюбодеяние, по-разному определявшееся для каждого из супругов. Муж признавался прелюбодеем лишь в том случае, если имел на стороне не только наложницу, но и детей от нее [2, 152]. Замужняя женщина считалась совершившей прелюбодеяние уже тогда, когда вступала в связь с посторонним мужчиной. Прелюбодеяние, совершенное в результате насилия, не считалось изменой (подтверждение тому – канонические ответы митрополита Иоанна II, 45). Разнились и наказания за прелюбодеяние. Женщина вначале не обладала правом развода по причине неверности мужа: виновный супруг лишь наказывался годом епитимьи и денежным штрафом («лепше инога человека въскупити, абы ся и другая на том казила», т. е. чтобы и другим неповадно было). Муж же имел право развода с женой, которая ему изменила; священнослужители, жены которых допустили адюльтер, не только имели право, но и были обязаны развестись, в противном случае «без священства есть». «Аще ли прелюбы сътвориша от него, то видит ю своими очима, а не оклеветает ближняго своего, то да пустит ю» – требовали нормы греческого семейного права, имевшие в XIII–XIV вв. большое распространение на Руси. И даже больше: муж, узнавший о неверности супруги и «волю давший ей», то есть простивший ей измену и не разведшийся с ней, должен был понести особое наказание [2, 153].

Правами на развод по физиологическим причинам обладали равным образом оба супруга. Этот повод к разводу был официально признан уже в XII в. В случае разлучения по этой причине женщина уходила из семьи со всем своим имуществом: «...и приданое с нею все въследует жене, и отдасть ей все муж, еже аще приял будет...» [2, 153]. Права древнерусской женщины были подкреплены хорошей имущественной базой. На Руси не было принято объединять собственность при заключении брака, то есть между супругами, и даже между родителями и детьми действовал принцип раздельности имущества, как движимого, так и недвижимого. О раздельности собственности между супругами в древнерусской семье говорят множество источников [1, 78].

Положение женщины на Руси в свете феодального светского и церковного права к XV в. формально не отличалось от положения мужчины. Некоторые установленные и рассмотренные различия в действительности могли быть как в пользу женщины (двойной штраф за некоторые

преступления, оскорблявшие ее честь), так и в сторону ограничения ее прав (отчасти в области послушества, в ряде случаев ответственности за преступления супруга). Женщина к XIII в. стала активно действующим социальным и юридическим лицом, об этом свидетельствуют церковные нормативные акты (именно тогда появились статьи о самовольном уходе жены от мужа, разводе, о драке между женщинами и т. п.). С XII–XIII вв. и даже ранее женщины всех социальных групп, кроме обельных холопов, были обязаны нести ответственность за преступления, совершенные ими самими или их ближайшими родственниками, что является дополнительным свидетельством того, что россиянки к XV в. стали самостоятельными субъектами права [2, 172].

Таким образом, оценивать положение древнерусской женщины в X–XIII вв. как приниженное, по сравнению с мужчиной, нельзя. Исследовав различные источники, можно с уверенностью сказать, что женщина в X–XIII века обладала юридическим и имущественным равноправием с мужчиной: могла самостоятельно выбирать себе мужа, вести и распоряжаться хозяйством наравне с мужчиной.

Список использованной литературы

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – № 249. – С. 261.
2. Пушкарева, Н.Л. Женщины Древней Руси / Н.Л. Пушкарева. – М., 1989.
3. Смирнов, А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа / А. Смирнов. – М., 1877.
4. Устав князя Ярослава о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.
5. Янин, В.Л. Я послал тебе бересту... / В.Л. Янин. – 2-е изд., испр. и доп. новыми находками. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – С. 234.